

DOI: 10.31857/S032103910005050-8

ПРОСТРАНСТВА АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ В НИЖЕГОРОДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО¹

(Нижний Новгород, 16–17 ноября 2018 г.)

В Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского 16–17 ноября 2018 г. в рамках XVI чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова прошла международная научная конференция «Пространства истории и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание», соорганизатором которой выступил Институт всеобщей истории РАН.

Целью конференции было обсуждение таких ключевых, имеющих фундаментальный характер проблем, как разработка адекватного категориально-понятийного аппарата пространственного измерения истории, корреляция между физическим и символическим освоением пространств, взаимосвязь пространственных структур и представлений с культурными и политическими практиками в обществах прошлого, иерархии и маркеры пространств (включая границы, отношения центра и периферии), функционирование исторических ландшафтов и территорий с точки зрения коллективной памяти, их функции в процессах кросс-культурной коммуникации и конструирования этнической, культурной и политической идентичностей. Обсуждение этих (а также ряда смежных) вопросов способно стать стимулом интеграции существующих научных традиций и исследовательских направлений, формирования новой повестки в области комплексного изучения исторических пространств, ландшафтов и территорий, обеспечить более глубокое понимание роли пространственного фактора в историческом цивилизационном развитии.

Работу конференции на первом пленарном заседании открыли два доклада, посвященные общим теоретико-методологическим подходам и историографическим проблемам «пространственного поворота» в исторических науках. В докладе *Л.П. Репиной* (Москва) «История регионов, или “Территория историка”» после пространственного поворота» вниманию слушателей был представлен разносторонний анализ новейших историографических тенденций в переосмыслении пространственных параметров предметного и проблемного поля исторических исследований. Основной акцент был сделан на новом видении и перспективах изучения соотношения между локальным, региональным и глобальными уровнями описания исторического процесса, которые в связи с пространственным поворотом предполагают реконфигурацию традиционных национально и цивилизационно ориентированных нарративов. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «Пространства и ландшафты на “территории историка”» остановился на вопросе о том, почему в современном историографическом контексте приходится говорить о пространствах истории и истории пространств. Очевидным результатом пространственного поворота стало умножение пространств и новое наполнение таких основополагающих категорий историко-географического анализа, как «пространственность», «территория», «ландшафт», «окружающая среда», в изучении которых историки вслед за географами и социологами все больше переориентируются с физического понимания пространств на их ментальное конструирование, многообразное символическое и практическое освоение, включающее помимо прочего политическое и идеологическое присвоение. Природное пространство рассматривается не только и не столько как

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18–09–00486 «Пространства и ландшафты в мемориально-историческом, религиозном и политическом дискурсах Античности и Средневековья».

естественное вместилище и условие жизнедеятельности человеческих сообществ, имеющее внешний детерминирующий по отношению к людям характер, но как реальность, обусловленная их специфическими социальными отношениями и культурой. В связи с этим возникают новые направления и предметные области исторического исследования, вырабатывающие соответствующий понятийный аппарат и методологические подходы, которые активно обсуждаются в современной науке и настоятельно нуждаются в критическом осмыслении.

Междисциплинарная по своей природе проблематика конференции вызвала интерес исследователей, работающих в самых разных областях исторических и социальных наук, в том числе антиковедов. Из более чем 80 заявленных докладов античным сюжетам были посвящены 30, из которых 20 были непосредственно заслушаны и обсуждены на заседаниях конференции в рамках двух секций «Пространства и границы в древнем мире: стереотипы, метаморфозы, парадоксы» и «Имперские пространства древности: державные, региональные и локальные аспекты». В конференции приняли участие российские исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Пскова, а также специалисты из Италии, Германии, Австрии, Канады.

На заседаниях первой секции, проходивших 16 и 17 ноября под председательством А.В. Подосинова и Е.А. Молева, были представлены 13 докладов. В докладе «Северная Азия на Певтингеровой карте и у античных авторов» А.В. Подосинов (Москва) остановился на той наименее изученной части уникальной латиноязычной карты первых веков нашей эры, которая охватывает территорию Северной Азии. На карте, вытянутой в широтном и суженной в долготном отношении, несколько сегментов посвящены изображению Каспийского моря, которое традиционно представлено как залив Северного океана, а также побережью Северного океана вплоть до Восточного (Тихого) океана с его реками, горами, народами и населенными пунктами. Некоторые сведения карты отражают весьма древнюю географическую традицию, некоторые же обязаны своим происхождением совсем недавним событиям. Так, например, помещение восточнее Каспийского моря большого количества скифских племен, локализованных в ранней географической традиции в Северном Причерноморье, отражает тот факт, что Великая Скифия пала в IV–III вв. до н.э. под ударами сарматских племен и прекратила свое существование. В докладе была поставлена и особая задача — проанализировать сообщения античных авторов (Геродота, Эратосфена, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего, Клавдия Птолемея) об этой же территории, чтобы определить источники картографической передачи литературных текстов, а также понять механизмы трансформации текста в карту при освоении географического пространства. А. Мель (Галле / Берлин) в докладе “Remarks on Some Aspects of Geography in Ancient Botany and Zoology” рассмотрел влияние географического фактора на практическое отношение греков и римлян к растениям и животным и особо подчеркнул влияние колонизации и территориальной экспансии на развитие теоретических ботанических и зоологических знаний. В докладе А.А. Немировского (Москва) «Азия как “Север” и Азия как “Восток”: ассоциации разных сторон света с азиатами в позднеегипетской традиции и проблема происхождения гиксосов» было показано, что в древнеегипетской традиции ко второй половине — последней трети I тыс. до н.э. выделялись два азиатских направления (по отношению к Египту): северное (сиро-палестинское), с которым связывался этноним «ааму» (относившийся к неопределенному ареалу сиро-палестинских и смежных азиатов), и восточное (синаяско-аравийское), ассоциируемое с этнонимом «шасу» (во II тыс. до н.э. обозначавшим группу племен на территории Синай — Эдома). У Манефона термин «восток» также, по-видимому, соотносится с направлением от Египта на Месопотамию и Иран, а не с Сирией — Палестиной. Исходя из этого автор доклада подверг критике гипотезу, согласно которой Манефон, называя азиатскую группу, властвовавшую в XVII–XVI вв. до н.э. над Египтом из Авариса, «гик-сосы», т.е. «цари (гик)-пастухи (сос)», на деле использовал иное египетское выражение — «цари чужеземий» (*хека-хасут*), как египтяне действительно называли *царей* аварисских гиксосов. Утверждение Манефона, что гиксосы вторглись в Египет, придя из «восточных краев», можно истолковать лишь в рамках *двух* выделенных направлений в Азии, рассматривая его как указание на соотношение гиксосов именно с восточным, а не северным из них; это восточное направление в египетской традиции маркировалось тем самым термином «шасу», который присутствует в расшифровке Манефоном слова «гик-сос» (с вполне естественным для этого термина в I тыс. до н.э. переводом «пастухи»). Это означает, что текст Манефона не содержит ошибки и отражает подлинную ученую традицию, связывавшую гиксосов именно с восточным, синаяско-эдомско-аравийским направлением от Египта и рассматривавшую их как группу «шасу». Возможно, за этим стоит не только позднеегипетская традиция именовать термином «шасу» азиатов восточного направления, но и представления о связи аварисских гиксосов с реальными неоседлыми племенами «шасу», занимавшими во II тыс. до н.э. синаяский ареал.

И. Мадрайтер (Инсбрук, Австрия) представила доклад «Gendering Conquered Space: Examples of Feminization and Masculinization of Occupied Land from Assyrian and Greek Texts». Обратившись

к идеологическим аспектам имажинальной географии, обусловленным политической системой, структурой подвластной территории, гендерными, классовыми, расовыми/этническими нормами общества, автор сосредоточила внимание на отношениях между гендером и завоеванием и отметила, что официальные мнения о завоеванных странах не только дополняют существующие (реальные) восприятия пространства, но по большей части их замещают. Процесс завоевания в античных источниках описывался с помощью сексуально окрашенных понятий, вроде «овладения девственными землями», а для осажденных городов нередко использовались метафоры, связанные с познанием женского/мужского тела. При этом такие описания, встречающиеся в ассирийских и греческих историографических сочинениях, имеют различные смыслы. Если в клинописных текстах гендерно окрашенное пространство служило средством пропаганды, уничтожения врага и легитимации территориальной экспансии, то в греческих источниках этот аспект менее значим: в них гендерное пространство чаще связано с неумеренным стремлением восточных царей к завоеваниям и служит средством критики высокомерного поведения. В докладе *И.Е. Сурикова* (Москва) «Пространственные категории в поэзии Солона» был дан разбор специальной проблематики в поэтическом творчестве Солона — поэта, который в истории архаической Греции известен тем, что был не только автором стихов, но также мудрецом, путешественником, государственным деятелем и законодателем и, таким образом, имел самое прямое отношение к политике, что не могло не отразиться во фрагментах его элегий, имеющих пространственные аспекты. Высказав некоторые общие соображения о древнегреческих специальных категориях (в частности, указав на крайнее сближение в условиях эллинского полиса политического и сакрального пространств), автор доклада представил анализ отдельных пассажей Солона, в той или иной мере имеющих спационально-потестарную окраску.

С докладом «Эллинистический мир как географическое, политическое и концептуальное пространство» выступил *О.Л. Габелко* (Москва). Отметив, что вопрос о географических границах и региональной типологизации эллинистического мира представляется важным и актуальным для трактовки ключевых проблем в понимании эллинизма как исторического феномена, он обратил внимание на то, что понятия «эллинистический Восток», а тем более «эллинистический Запад» (равно, впрочем, как и ряд других категорий, связанных с ними) зачастую употребляются без строгих географических и семантических дефиниций. Особенности эллинизма в тех или иных регионах Средиземноморья и Переднего Востока зачастую не получают адекватного истолкования и констатируются лишь на уровне самоочевидных фактов. Одним из выходов из такой ситуации видится выработка новых подходов к изучению эллинизма в контексте процесса глобализации. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) в докладе «Делимитация границ в Пелопоннесе эллинистического времени» обратился к проблеме разграничения территорий между полисами. Древнегреческие полисы в отличие от современных государств не проводили сплошной демаркации своих границ на местности, и отчасти поэтому территориальные споры и постоянная необходимость все новой делимитации границ были неотъемлемой частью межполисных отношений. В эллинистический период появились благоприятные условия для мирного и цивилизованного решения территориальных споров. Законы Ахейского союза, в частности, требовали обязательного проведения арбитража в случае предъявления территориальных претензий одним полисом федерации другому. Арбитры назначались либо федеральными органами, либо самими спорящими сторонами по взаимному согласию. Процедура арбитража включала в себя несколько этапов, одним из которых было обязательное посещение арбитрами спорного участка границы. Участники тяжбы предъявляли различные доказательства своей правоты (исторические документы, показания местных жителей и даже древние мифы). Результатом арбитража являлась новая делимитация границы, которая, впрочем, оставалась приблизительной, поскольку в словесном описании линии границы, кроме точных указаний (например, названий рек, ручьев, святых мест), могли наличествовать топонимы, обозначающие тот или иной участок местности без указания его границ. Поэтому даже после разрешения территориального спора могли остаться невыясненные вопросы о точном прохождении границы, и в отсутствие практики демаркации оставалось полагаться на то, что обе стороны будут придерживаться одинакового понимания того или иного топонима. Арбитраж и некоторые другие способы мирной делимитации способствовали сплочению полисов Пелопоннеса в рамках единого государства, однако римское завоевание привело к возобновлению целого ряда старых, казалось бы, уже улаженных территориальных споров, которые теперь зачастую разрешались по прямому указанию римских властей. В докладе *А.С. Новосильнова* и *Н.Ю. Сивкиной* (Нижний Новгород) «К вопросу о диспозиции противоборствующих армий в Херонейском сражении 338 г. до н.э.» были критически проанализированы существующие реконструкции хода военных действий и обоснован вывод о том, что священный отряд фиванцев располагался на левом фланге греческой армии и, в таком случае, Александр находился на левом крыле правого фланга македонян.

Е.А. Молев и Н.В. Молева (Нижний Новгород) посвятили доклад «Фортификация боспорского города Китея как территориальная и сакральная маркировка его пространства» анализу археологических материалов, полученных при раскопках оборонительных стен и башен. Закладные жертвы в основаниях кладок (монеты, антропоморфные изваяния, черепа собак), а также алтарь и два святилища, маркирующие восточную, северную и западную стены, дают основание для вывода о том, что крепостные сооружения охраняли город не только от военных нападений, но силой хтонических богов-охранителей также от землетрясений и других природных катаклизмов. К анализу археологического материала обратилась также *Н.В. Кузина* (Нижний Новгород), представившая доклад «Сакральное пространство боспорской хоры (на примере Крымского Приазовья)». По мнению автора, анализ топографии раскопанных святилищ позволяет проследить некоторые особенности восприятия природно-географического пространства в его религиозно-мифологическом аспекте. Локализация сакральных комплексов на высоких сопках, приморских мысах, в гротах, вблизи устьев и оврагов, расщелин и источников воды определялась пространственными среди сельского населения архаическими представлениями о модели мира и необходимостью ее воспроизведения в данном пространственно-временном континууме. В сакральных реалиях Крымского Приазовья природные объекты, отмеченные ритуальными действиями, и сопутствующие им сооружения выступали в качестве пограничных маркеров и связующих звеньев, конституирующих связи внутри пространства в его горизонтальном и вертикальном делении. Сакральные объекты, отмечавшие возвышенные плато морских мысов и сопки, а также гроты, расщелины, ущелья наделялись функциями медиаторов, соединяющих мир неба, земли и хтоническую сферу. Святилища, расположенные на границах поселений, могли выступать как пограничные маркеры в системе деления пространства в горизонтальной плоскости на обыденное, освоенное и неосвоенное, выходящее за пределы человеческого обитания.

Ю.С. Обидина (Нижний Новгород) в докладе «Отражение топографии загробного мира в социокультурных реалиях римского общества» рассмотрела один из регионов Аида — Тартар, отметив, что он обычно описывается с точки зрения умершего, находящегося в нем, а не с точки зрения его топографических деталей. В письменных источниках Тартар, как правило, помещается в более широкий контекст, который позволяет не столько учитывать топографический характер, сколько передавать эсхатологический смысл. Тем не менее принцип топографии применим к пространственной обстановке Тартара в том смысле, что место проклятых четко организовано в соответствии с этическими и социальными категориями. Антиподом Тартара предстает Элисий, который меньше всего подвержен человеческому вмешательству по сравнению с другими частями загробного мира. С докладом «Образ карликов в нильских сценах как значимый аспект римского восприятия Египта» выступил *М.С. Чисталев* (Нижний Новгород). Он связал перемены в стилистике нильских сцен, и в частности стереотипизацию сюжетных линий, с изменениями римской политики в отношении Египта, ставшего частью *imperium Romanum*. По мысли автора, изначально в этом процессе наибольшее значение имел именно социальный аспект, который, вероятнее всего, стал отправной точкой в изменении представлений римлян о жителях долины Нила в конце I в. до н.э. Появление образа карликов в нильских сценах на начальном этапе было связано в первую очередь с попыткой показать инверсию нормальной цивилизованной жизни. Однако распространение *Aegyptiaca Romana* на территории Римской империи происходило быстрыми темпами и носило столь широкий характер, что уже к середине I в. н.э. изначальный негативный контекст был переосмыслен и интерпретирован по-новому. В докладе *С.А. Доманиной* (Нижний Новгород) «Лес как пространство сопротивления: кельтский вариант» было отмечено, что лес всегда воспринимался архаическим сознанием как особый локус, который в бинарной оппозиции «свой—чужой» выступает обычно в роли «чужого», что логически вытекает из его же роли в оппозиции более высокого порядка «культура—природа». Однако для народов, населявших лесную зону, пространство леса, по понятным причинам, имело не столь однозначную смысловую нагрузку. Лес представлялся им не только местом обитания диких животных и злых духов, но и кормильцем, а все его опасности нейтрализовывались путем соблюдения определенных правил прагматического и магического характера. Поэтому лес из опасного становился не только полезным, но и спасительным: для профанов он был врагом, для посвященных — другом и защитником. История кельтов содержит множество ярких свидетельств использования лесного пространства в качестве защиты от вторжений римской армии как в Галлии, так и в Британии. В ходе противостояния кельтов римской экспансии лес выступал на стороне местного населения и как естественное укрытие, и как база снабжения, и как место тайных собраний, продолжая при этом оставаться и главным местом отправления местных обрядов, которые играли для повстанцев роль идеологической подпитки, поддерживали их воинский дух и надежду на скорое изгнание захватчиков.

Заседание секции «Имперские пространства древности: державные, региональные и локальные аспекты», проходившее 17 ноября под председательством А.В. Махлаюка, было в основном

посвящено Римской империи. Его открыл доклад *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Пространство Римского мира в *Res gestae divi Augusti*». Анализ пространственных и этногеографических категорий позволяет выделить несколько характерных особенностей представленного в «Деяниях» имперского пространства. Во-первых, это динамичное пространство империи, которое вышло далеко за пределы республиканских границ. Во-вторых, это экуменическое пространство, которое достигло самых дальних пределов обитаемого мира, совпадало с ним и фактически (или в воображении) не имело другого мира (*orbis alter*) на своих границах и за их пределами. В-третьих, это умиротворенное и упорядоченное пространство. В-четвертых, это дифференцированное и иерархическое пространство с центральным положением Рима и Италии, с римскими гражданами, которые доминировали над провинциями и владывались, фактически или потенциально, над всеми варварскими и иноземными народами. В-пятых, это центростремительное пространство, подчиненное единой воле и ориентированное на одно лицо — принцепса. В целом это специфически имперское пространство, созданное в результате завоеваний и аннексий, подвластное доминирующему народу и центральной единоличной власти. Тема имперского пространства была продолжена *А. Пистеллато* (Венеция, Италия), который представил доклад «*Quo ferimur? On the Re-conceptualization of the Roman orbis under Tiberius*». В нем была рассмотрена эволюция понятия *orbis* в связи с пространством римских завоеваний. Если до конца принципата Августа притязание на совпадение римского мира со всем *orbis* соотносилось со стремлением сравняться с Александром Великим, и даже превзойти его как покорителя мира, то после разгрома легионов Вара в Тевтобургском лесу и смерти Германика на Востоке в литературе времен Тиберия получает развитие двойственная концепция мира (*orbis*). Манилий (*Astronom.* IV. 671–680) характеризует парфянский *orbis* (*orbis alter*) как равный римскому, что указывает на конец любой перспективы завоевания мира римлянами. Еще одним подтверждением переоценки концепции *orbis* в этот период может служить текст Веллея Патеркула (II. 101). Отражая дипломатические отношения с парфянами и отказ римлян от отождествления *orbis Romanus* с *totus orbis*, концепция *orbis alter* получила широкое распространение. Между IV–V вв. Паулин из Нолы использовал ее, но уже в сугубо христианских терминах (XVII. 289–296). В докладе *А. Кимизуса* (Эдмонтон, Канада) «*Geography over Ethnography in Tacitus' "Agricola"*» была предпринята попытка проследить отражение в ранних трудах Тацита изменений на северных границах Империи, связанных с войнами Домициана и завоеваниями Траяна, которые вновь поставили военно-политические вопросы, казалось бы уже решенные. Сосредоточив внимание на том, как Тацит представлял границы и пространство Британии и Германии в терминах физической, гуманитарной и политической географии, автор пришел к заключению, что в «Агриколе» Британия представлена как искусственно единообразное пространство с определенными границами и однородным населением, полностью подчиненное римлянам, тогда как в «Германии», напротив, описана физически более подвижная и культурно многообразная страна, чьи внешние границы находятся за пределами римских знаний и влияния.

А.В. Вдовиченко (Москва) в докладе «Фактор единой территории в конституировании языка новозаветных авторов. Методология и историко-лингвистические параллели» рассмотрел фактор территориальной (географической) локализации как условие, необходимое для определения языка, в проекции на язык новозаветного корпуса. Обязательность этого фактора ставится под вопрос из-за ситуации, сложившейся вокруг исследования и описания новозаветного лингвистического материала. Главная трудность, с которой сталкивается стандартная процедура описания языка НЗ, связана с определением источника особенностей, свойственных текстам этого круга. Стандартная процедура лингвистического описания требует географической локализации, а строгие данные как будто все время препятствуют этому. Вопрос решается изменением методологии анализа и описания данных, которые должны быть рассмотрены в рамках коммуникативной модели (лингвистический компонент) и с учетом фактора иудейской грекоязычной диаспоры (историко-культурный компонент). В таком случае обязательность фактора палестинской (и иной точной) локализации снимается. В докладе *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) «К вопросу о пространственном измерении римской политики в труде Геродиана» было отмечено, что имеющиеся в тексте указания на территориальную и культурно-географическую специфику различных частей империи привлекаются историком III в. н. э. для определения истоков и характера гражданского противостояния в Риме при переходе власти к Северам. Докладчик также обратил внимание на концептуальную роль пространственных категорий в освещении деятельности римских императоров и претендентов на престол и продемонстрировал определенную корреляцию между пространственными и социальными характеристиками политического процесса, указав, в частности, на то, что разрыв единства территории империи обнаруживается не только в географической, но и в социальной плоскости. Так, представленные в контексте повествования о междоусобице 190-х годов характеристики отдельных регионов империи касаются в первую очередь военной сферы, и степень контроля над пространством

империи зависит во многом от поддержки, оказывавшейся правителю паннонскими и сирийскими войсками, которые предстают как две разные политические силы. Тем очевиднее на этом фоне идеализация правления Марка Аврелия как эпохи, когда по всей империи разные категории населения были объединены вокруг императора. *А.Е. Негин* (Нижний Новгород) в докладе «Территориальное распространение сюжетов декора римского доспеха эпохи принципата» на основе картографирования выявил наиболее популярные сюжеты декора в их связи с религиозными взглядами римских военнослужащих и влиянием императорской пропаганды. Как показал автор, в ряде случаев иконография тех или иных сюжетов дополняется эпиграфическими данными с той же самой территории, из тех же самых районов дислокации воинских подразделений, причем появление тех или иных сюжетов на предметах вооружения говорит о распространении поклонения этим божествам непосредственно в среде военнослужащих. Завершил работу секции доклад *В.А. Дмитриева* (Псков) «Аравийская кампания Ардашира Папакана: “бои местного значения” или “большой бросок на юг”?», посвященный малоизвестным страницам военной истории Сасанидской державы в правление ее основателя Ардашира I Папакана (224–242 гг.), в годы правления которого персы предприняли наиболее ранние попытки утвердиться на Аравийском полуострове. Опираясь на анализ таких источников, как «Книга длинных рассказов» Динавари, «История пророков и царей» Табари, анонимный «Предел желаний в познании истории персов и арабов» и «Словарь стран» Йакута, а также учитывая события, происшедшие позднее, в период правления Шапура II (IV в.) и Хосрова I (VI в.), автор доклада доказал, что аравийскую кампанию Ардашира Папакана следует рассматривать как первый этап длительной борьбы Сасанидской державы за установление персидского владычества над прибрежной зоной Аравийского полуострова от Южного Ирака до Йемена включительно.

В рамках конференции прошли также образовательные мероприятия, организованные на базе Института международных отношений и мировой истории ННГУ, в том числе презентация проекта «Mare Nostrum: семинар по изучению интеллектуальной и социальной истории Средиземноморья» (модератор Н.А. Селунская) и открытое занятие доцента ННГУ К.В. Маркова по классическим языкам, в котором приняли участие доцент Университета Альберты Адам Кимизис (Эдмонтон) и научный сотрудник Университета Ка-Фоскари (Венеция) Антонио Пистеллато, обсудившие со студентами проблемы перевода и интерпретации «Римской истории» Кассия Диона.

При подведении итогов конференции на заключительном пленарном заседании участники отметили ее высокий организационный и научный уровень и высказали убеждение, что она послужит стимулом для дальнейших исследований большой и важной темы, откроет новые возможности для развития научных контактов и углубленной интеграции академической и университетской науки.

Alexander V. Makhlayuk,

А.В. Махлаук,

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: makh1@imomi.unn.ru

д.и.н., профессор, заведующий
кафедрой истории древнего мира
и классических языков Института
международных отношений
и мировой истории,

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research,
project No. 18-09-00486